

Татьяна Ивановна Иванова

На перепутье миров

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28755365

SelfPub; 2018

Аннотация

Душевнобольная женщина, совершив убийство, попадает в психиатрическую клинику на принудительное лечение. А вскоре, прямо в психушке, героиню затягивает пространственный портал, и начинается ее путешествие по параллельным мирам.

«Каждому человеку дано свое дело, и каждому делу – свое время» Эзоп

–На, падла, на! – нож мягко вонзался в почти уже бездыханное тело.

Ветер свистел в ушах озверевшей женщины, дождь больно хлестал ее по спине, но она уже не могла остановиться. Деревья в лесополосе, где Алекс «забила стрелку» своему обидчику, выли и стонали, в темном небе громыхал гром, и немыслимыми адскими зигзагами сверкала молния, на трассе слышался бесконечный шум моторов проезжающих автомобилей. Вся природа словно ликовала над этим страшным действием.

–Вот тебе, гад, вот! – Алекс, сидя верхом на жертве, продолжала наносить ему удары.

Наконец, мужчина захрипел, дернулся и испустил последний дух. Алекс громко и восхищенно захохотала. И смех ее был столь страшен, что, казалось, даже деревья вдруг как-то притихли на секунду.

–Ишь, ты, – вдруг резко успокоившись и встав на ноги, со злобой прошипела она, – королем себя почувствовал, распилишь? – и с силой пнула ногой неловко распластавшийся на земле труп.

Протерев нож о траву, женщина засунула его под подкладку своего кожаного пиджака и начала шарить в карманах мужчины.

«Так, какие-то чеки? Это ни к чему. Бумажник? Приго-

дится. Труба? Надо выбросить сим-карту. Фото? Чье фото? Какого-то ребенка. Ребенка, ребенка... Дождь... Как он достал! Надо срочно принять ванну... Позвонить! Я собиралась позвонить. Кому? ... Дома Левка голодный. Заехать купить ему «Вискас»... Еще надо завести эту чертову тачку, блин...» – мысли путались в голове, перелетая с места на место, как бешеный рой пчел на забытой пасеке.

Алекс понимала, что «слегка» переборщила в своем якобы справедливом отмщении. Она прекрасно осознавала, что через пару-тройку дней снова окажется в психушке, в которой, по воле судьбы, провела большую часть своей еще такой короткой жизни. Это ее не пугало. Ведь убивала не она, а просто вновь прогрессировала ее неизлечимая форма приступообразной шизофрении. Эта проклятая болезнь не отпускала надолго и не раз «упекала» в стены психиатрической клиники.

Закурив сигарету, Алекс поковырялась в чужом кошельке и презрительно вытащила несколько сотенных.

–Король, блин, и нищий. – Криво усмехнулась она, записнула купюры себе в карман, а портмоне бросила рядом с убитым.

И насвистывая под нос веселую мелодию, Алекс отправилась к недавно угнанной ею старенькой «девятке», которую благоразумно припарковала на обочине дороги метрах в ста от места встречи с врагом.

Машина, как и ожидалось, не завелась. Подергав нервно

минут пять ключом зажигания, Алекс со злостью вылезла из авто.

– Вот рухлядь! – она с силой и ненавистью стала бить ногами по колесам, – И кто только на тебе, дура, ездил? У-у-у, ненавижу!

Потом в бессилии опустилась на корточки рядом с автомобилем.

– Так, ну и что теперь делать? – то, что надо было бросать машину и срочно бежать с места преступления, она понимала прекрасно. Но не угонять же еще и автомобиль убитого. Хотя его новенький «Мерин» стоял здесь же, в нескольких шагах, это был бы явный провал. Попадешься тут же. Придется останавливать попутку, хотя как-то не сподручно. Вид еще тот: мокрая, грязная, в пятнах крови. И все-таки сидеть и чего-то ждать было некогда, мало ли кого занесет в эту несчастную лесополосу. Например, по нужде. А она и убийца вот она, как на тарелочке – «бери, не хочу».

Протерев на скорую руку найденной в машине тряпкой куртку, Алекс отправилась пешком по шоссе, на ходу торозя автомобили. Но видимо водители не очень-то хотели в такой ливень брать в свои машины непрошенных пассажиров. Да и правильно, грязи натащат, а заплатят или нет – неизвестно. А тут еще баба. Скорее всего, какая-то дешевая шлюха. Кто бы еще в такую непогоду шатался по дорогам?

Лишь через полчаса, когда Алекс удалилась от места преступления на весьма приличное расстояние, возле нее затор-

мозила новенькая серебристая «Тойота».

–Далеко, девушка? – темноглазый седовласый мужчина загадочно и широко улыбался, явно ожидая чего-то большего, чем просто подвезти.

–До ближайшего кафе, – мрачно ответила Алекс и, немного отжав воду из одежды, влезла в машину.

–А почему такая серьезная? – продолжал допытываться водитель.

–А вы, что, хотите познакомиться? – кое-как натянув на лицо улыбку, устало спросила женщина.

–Ну, да. До ближайшего кафе не меньше получаса, чего ж мы молчать все это время будем?

–Меня зовут Юля, – Алекс уже справилась с неприязнью к этому странному, назойливому водителю и теперь решила «сыграть в его игру», – не замужем, интересы разносторонние.

–А в эти интересы молодые симпатичные мужчины вписываются?

–Иногда. А вы себя молодым и симпатичным считаете? Мужчине было явно не меньше шестидесяти, и от молодого и симпатичного его отделяло как минимум лет тридцать. Ход мыслей самоуверенного шофера насмешил молодую попутчицу. Она громко и звонко захохотала.

–Что? – совершенно чистосердечно спросил мужик. И тут же сделал непростительную ошибку – бесцеремонно положил Алекс руку на коленку. Ну, это уж слишком!

–Слышь, ты, старый хрыч, глуши мотор!

Мужчина повернул улыбающееся лицо к Алекс и хотел отделаться какой-нибудь шуткой, но вдруг почувствовал, как в бок ему мягко, но уверенно уперлось острие ножа. Дядька непроизвольно сжался, потом, резко затормозив, свернул на обочину и остановил машину.

–А теперь давай ключи и вылазь! – скомандовала Алекс.

–Девушка, вы шутите? – ничего не понимая, но изрядно трухнув, дрожащим голосом попытался наладить обстановку мужчина, – я, естественно, ценю чувство юмора в женщинах...

–Накосорезил – вылазь, пока я совсем не разозлилась, – по страшному безумному взгляду Алекс было видно, что, конечно же, она не шутит, еще несколько слов, и перо проткнет мужика насквозь. Чертыхаясь, мужчина полез из собственного автомобиля.

–На кой хрен я останавливался? – со злостью бормотал он, – сколько раз зарекался никого не брать в дороге. Сучка придорожная! Где ты взялась?

–А ну, стоп! – женщина вдруг заметила, как шофер протянул руку и уже взял лежащий на передней панели автомобиля сотовый телефон, – дай-ка сюда мобилу...

Вырвав из рук мужчины мобильник, Алекс бросила его под ноги и со злостью растоптала, а потом, усевшись за руль, совершенно спокойно завела автомобиль и рванула по трассе. А законный водитель «Тойоты», растерянно разводя ру-

ками, остался стоять под проливным дождем...

Полицейские пришли глубокой ночью, когда Алекс уже крепко спала после принятой в кафе изрядной дозы алкоголя. Сильный стук в дверь, однако, заставил ее проснуться. Голова раскалывалась пополам, и женщина даже не сразу сообразила, что нужно делать. Кинулась, было, к окну, но, споткнувшись о мирно спящего на коврике кота, вспомнила, что живет на восьмом этаже, и остановилась.

«Так, думай, Алекс, думай, не буксуй. Как выкручиваться будем? – Мысли работали лихорадочно быстро, но выход из положения никак не находился, – что, что делать? Походу, вилы ...»

–Откройте, Сергеева, это полиция! – Законное требование правоохранительных органов, наверное, уже разбудило весь подъезд.

–Пошли вы на хрен, – пьяно крикнула Алекс в ответ.

В этот момент выбитая дверь с грохотом влетела в квартиру, а за ней заскочили и несколько взбешенных полицейских. Один из них молниеносным ударом снес женщину с ног и с силой прижал к полу, выкручивая руки.

–Что, сучка, не думала, что так быстро найдем?

–А где ваше постановление на арест? – отчаянно пытаюсь выкарабкаться из-под мужчины, хрипела Алекс.

–Чего-о-о? Ты совсем офонарела? Да ты после себя столько следов оставила, что тебя сегодня же упекут в тюрьму лет на пятнадцать.

–Ха! На пятнадцать! Эт-то мы еще посмотрим! У меня, между прочим, желтая справочка имеется, активировка от кичмана. Разве что годик-два в «дурке». А выйду оттуда, и тебя прикончу, гада.

Следующий удар надолго лишил ее сознания. Она даже не почувствовала, как на нее надевали наручники, как тащили волоком, пиная по дороге, в полицейскую машину, и, наконец, как бросили в душную вонючую камеру...

...Мать умерла, когда Алекс было всего пять лет. Накануне отец, наверное, сильно избил ее. Девочка была в своей комнате, но не спала и хорошо слышала, как мать кричала:

–Нет, не надо, я больше не могу. Мне ведь недавно сделали сложную операцию. Мне больно, больно!

–Заткнись, – пьяно отвечал отец, – ты – моя супруга, и должна выполнять супружеские обязанности. Причем тут твоя операция? Пережила и ладно.

–Ну, пожалуйста, пожалуйста, пожалей, ведь я не выдержу, – плакала женщина.

–Молчи и терпи...

Утром мать не встала с кровати. Она просто лежала на окровавленных простынях и тихо плакала. А отец спал здесь же, рядом, на полу. Он даже не услышал, как незаметно, всего за несколько часов, ушла из жизни его несчастная жена.

–Доченька, не верь мужчинам, от них одно горе, одно горе, – прошептала она перед смертью дочери и навсегда закрыла глаза.

Девочка тогда ничего не поняла. После похорон, правда, слышала, как соседки шептались между собой:

– Это же надо, угробил женщину.

– Она и так была больна, сама бы скоро умерла, а он помог, сволочь, сделать ей это раньше, оставил дитя без матери...

И стала расти девчушка с человеком, которого все сторонились, боялись и презирали. Но, тем не менее, он был заботливым и любящим отцом. Готовил хорошо, наряжал девочку в красивые платья, водил в кино и читал на ночь умные книги. После смерти матери отец совершенно бросил пить и часто по вечерам стоя на коленях перед иконой, что-то тихонько бормотал...

Время до суда, да и сам суд прошли очень быстро. Алекс находилась в эти дни в непонятно-зацикленном состоянии. Проходил день, и она его тут же забывала, и каждый новый день был для нее словно первым днем в ее жизни. Иногда она уходила в беспамятство, и это длилось несколько дней. Порой мыслей не было никаких, желаний и аппетита тоже. А в другой раз ее мучили идеи преследования и галлюцинации...

«... Резко усилилось расстройство самосознания, появилось бредовое восприятие окружающего. Бред интерметаморфозы, присутствие автоматизмы, психомоторное возбуждение, субступор...» – эти непонятные заключения наблюдающих ее докторов ни о чем ей не говорили и совсем не давали повода для переживаний или, наоборот, для успо-

коения...

–В соответствии с ч. 1 ст. 101 Уголовного кодекса РФ приговаривается к принудительному лечению в психиатрическом стационаре.... Подлежит обязательному периодическому освидетельствованию не реже одного раза в шесть месяцев ... – вердикт был, впрочем, ожидаемым...

Алекс хорошо знала дорогу, по которой ее везли. Вот здесь, за этим поворотом, начнется лес, и покажется небольшой поселок. В окружении высоких сосен и дубов возникнут старые-старые здания, покрашенные желтой краской. Какой болван придумал красить психушки в этот тоскливый цвет? В целом, больничный поселок был похож на крохотное автономное государство, со своими «правителями», со своими законами и устоями. Здесь нашли приют не только корпуса психиатрической клиники, но и несколько двухэтажных жилых домов, были своя маленькая школа, магазин, почта и даже банк. Но жители этой маленькой «страны» отличались от тех, кто проживал в обычных городах или селах. Они были серьезны, суетливы, заметно напуганы и по виду очень напоминали своих умалишенных «соседей». Видимо, присутствие рядом специфического учреждения наложило отпечаток и на психику нормальных граждан.

Когда-то, в середине девятнадцатого века здесь обосновалась сторожевая крепость, и, наверное, дома в поселении имели совершенно другую окраску. Может быть, они были зелеными под цвет листвы, а, может, красные, под цвет кро-

ви. Этого уже никто не помнит. Но старожилы поселка рассказывают странную историю, связанную с этими постройками. Якобы в самом начале двадцатого века из подвала крепости при загадочных обстоятельствах исчез осужденный на казнь человек. Он был преступником, и его ждала виселица. Буквально накануне к нему наведалься местный священник, принял последнюю исповедь. А утром за закрытой наглухо дверью мужчины не оказалось. Как будто его никогда там и не было. Искали долго, но так и не нашли. А таинственный подвал с тех пор прозвали Данилиным (по имени пропавшего) и сначала наглухо закрыли. Но с тех пор, как в шестидесятые годы двадцатого столетия здесь поместили психиатрическую клинику, подвал снова открыли, и теперь там находился склад постельного белья одного из отделений. Вообще-то, отделений в больнице тринадцать. В первом, втором, пятом, седьмом и двенадцатом лечат «благодетельных» больных: от депрессии, стрессов и других нервных расстройств. В этих отделениях свободный вход и выход, поэтому они называются открытыми. Там нет разделения на мужское и женское крыло, разнополые граждане проходят там лечение вместе. Третье и восьмое «лечит» наркоманов и алкоголиков. Остальные считаются закрытыми и строго разделены на мужскую и женскую половину. В них проходят лечение особо тяжелые душевнобольные и преступники, находящиеся на принудительном лечении. Двери в этих отделениях можно открыть только специальным ключом, кото-

рый есть у всего обслуживающего персонала, но, естественно, отсутствует у больных людей. И это понятно: попробуй, доверь заветный ключик сумасшедшему вору, наркоторговцу или убийце – закончиться это может для кого-нибудь плачевно. Дверей в палатах и розеток на стенах нет, зато окна «украшают» огромные крепкие решетки.

Алекс уже неоднократно отметилась и в четвертом, и в шестом отделениях, дважды из них принудительно, куда на этот раз пошлет ее судьба?..

– Так, гнилые дышалки, запомните: мои вещи трогать нельзя! – Грозно предупредила она пациенток закрытого десятого отделения, по личному опыту зная, что только так можно уберечь хоть часть своих вещей, – Я злая. Очень злая. Не дай Бог будете крысячить. Убью, и рука не дрогнет.

И отправилась в «большую» палату, где и определили ей место. Ничего непривычного для себя в отделении Алекс не обнаружила. Те же три палаты, что и практически во всех отделениях. Самая маленькая предназначена для «хороших» – так называли медработники выздоравливающих и блатных. В «наблюдательную» укладывали особо тяжелых и буйных. Там же периодически оказывались те, кто посмел себя как-то неприлично вести. На привязи. В «большой» палате лежали остальные – такие одинаковые и такие разные. Кто-то попал сюда после психологической травмы, кого-то «приговорили» «добрые» родственнички, чтобы отнять ребенка или дорогую недвижимость, кто-то просто был болен от рождения и о

другой жизни не помышлял, ну и, конечно, преступницы...

У Алекс болезнь заметили после того, когда умерла мать. Через год после похорон она впервые попала на стационарное лечение в психиатрическую клинику, где ей поставили диагноз «шизофрения». Через несколько лет оформили группу инвалидности, которая поставила жирный крест на всей будущей жизни. Пришлось забыть о мечте стать великой спортсменкой, «зарыть в глубокую яму» надежду получить высшее образование, удачно выйти замуж, нарожать кучу детишек...

Сейчас ей шел тридцать первый год от роду. Она была высокой, красивой, жгуче-черной брюнеткой, с виду обаятельной и миловидной. Но грозный взгляд ярко-зеленых глаз, крепкая фигура и накачанный торс без лишних объяснений подтверждали реальность всех ее предупреждений, и заставляли женщин держаться от нее подальше.

Но каждая ночь в психушке, независимо от обстоятельств, сама делала свои гадкие дела: сумасшедших любительниц приключений не останавливали ни страх, ни совесть, ни строгий медперсонал. Они неизменно поднимались среди ночи и шли красть: продукты, мыло, туалетную бумагу и самую большую ценность в больнице – сигареты.

–Куда? – схватила Алекс за руку худую, похожую на скелет, обтянутый кожей, тетку, которая уже залезла в ее сумку и старательно тянула оттуда пакетик с сухарями, – ах, ты, шмара! Я ведь предупреждала!

И, вскочив с постели, Алекс, крепко покачиваясь от снотворного, принятого накануне, со всей дури двинула воровке в зубы. Та перелетела через две плотно сдвинутые кровати и с грохотом упала на пол.

–А-а-а, как больно! – завопила женщина, – О-е-ей, помогите, она меня убивает! Люди добрые, спасите, помогите!

–Господи, да что там случилось? – толстая санитарка, спотыкаясь, бежала по проходу, за нею спешила медсестра, а за ними десяток проснувшихся любопытных пациенток.

–Ага, Тоньку побили, ура! – радовались душевнобольные, – меньше воровать будет. Еще ей вмажь, еще!

–Давно по тебе, Тонька, дубинка плачет. Получи, наконец, свое.

–Бей ее, бей, – азартно покрикивали женщины и даже начали сами замахиваться на воровку.

–Не надо, – по-детски жалобно, но по-мужицки грубым, толстым голосом рыдала Тонька, – мне и так больно, ой, как больно. Накажите ее.

–Ага, накажите, – санитарка покосилась на Алекс, – накажешь ее, так она в другой раз придушит ночью. Пусть спит, ну ее.

–А может, привяжем все-таки? – засомневалась медсестра.

–Так это ж помощь с мужского отделения придется звать. Не хочется будить среди ночи.

–Впрочем, да. Да и не обойдешься здесь одним-двумя

парнями. Надо звать четверых как минимум. Вон она, какая здоровущая!

–Кого привязывать? – возмутилась Алекс, – у меня сбонзили, меня же еще и вязать? Да вы, что, ополоумели, что ли? У вас здесь вообще произвол какой-то творится! Вы лучше эту чуханку на Гагры отправьте.

–Заткнись, убийца! – замахнулась на нее медсестра, – сейчас мы тебе галоперидола двойную дозу вколем, сразу успокоишься!

–А что ж, нам Тоню, что ли наказывать? – возмутилась санитарка, – ее наказывать нельзя, она здесь дома. Не плачь, Тонечка, сейчас я тебе примочку сделаю, и все пройдет. Иди, ложись, моя хорошая, иди...

Эта самая Тоня уже двадцать пять лет безвылазно лежала в психушке и действительно стала чем-то вроде предмета интерьера. Без нее представить себе десятое отделение было невозможно. Да и она чистосердечно считала себя здесь полноправной хозяйкой.

Когда-то, много лет назад, ее хотели отправить в интернат для умалишенных людей, который находился километрах в трехстах от психушки, но она сбежала оттуда, три дня шла обратно пешком и все-таки вернулась в свое десятое отделение. В дороге какие-то бродяги ее жестоко избили и изнасиловали. Несколько дней потом Тоня, плача, не вылезала из ванной, словно старалась смыть с себя «грязь» пережитого ею. После этого медработники стали ее очень жалеть, нико-

гда и ни за что не наказывали, приносили ей всегда что-нибудь съестное из дома и из больницы не выписывали. Впрочем, куда ж ее выписывать? Она была тяжело и неизлечимо больна.

–Что ты на меня смотришь? – иногда ругала Тоня ни в чем неповинный унитаз, – я ведь тебе сказала, что я никуда не пойду. Хочешь есть? На! – И она сыпала в унитаз конфеты и пряники, – ешь, только меня не трогай.

–Уйди, уйди, я тебе сказала, – в другой раз сердилась она на помойное ведро, безропотно стоящее в углу туалета, – посмотри вон, сколько других больных, к ним и приставай.

А еще она крада. Крада, все, что только можно было найти и украсть. И у всех, включая служащих больницы. Под ее матрасом были спрятаны целые залежи «сокровищ»: наполовину использованные зубные пасты и кремы, какие-то обмылки и куски туалетной бумаги, новые и совершенно рваные женские колготки, десятки пар разнокалиберных носков, сигареты всех марок, какие только могли курить в отделении за последние двадцать лет, протухшие куски сыра, засохшие печения и еще много-много всего неинтересного и уже никому не нужного. Но Тоня очень гордилась своим «добром» и считала себя чуть ли не самым богатым человеком на земле. Она была первым «бизнесменом» отделения, потому что всегда кому-нибудь что-нибудь продавала.

–Ты со мной дружи, – доверительно шептала она каждой вновь прибывшей больной, – я тебе продам что угодно:

и кремы, и вещи, и сигареты с фильтром, и шоколадные конфеты. У меня все есть. У тебя есть денежки? Если есть, могу предложить очень вкусный бисквит.

И она вытаскивала из кармана халата не дожеванный кем-то фаршированный блинчик.

–Бисквит очень, очень вкусный и полезный. Такого не купишь ни в одном магазине...

Поскольку в психиатрическую клинику от добрых людей всегда поступает гуманитарная помощь в виде всяких поношенных, но довольно приличных вещей, Тоня, как «звезда» отделения, имела первое право выбора. И лишь потом остальные могли покопаться в гуманитарных одежках. Но Антонина свой гардероб подбирала странно. Она надевала всегда два самых старых, потрепанных халата, поверх них три или четыре рваные кофты с одной или вообще без пуговиц и обувала два совершенно разных тапочка. Санитарки не раз приносили ей старую, но одинаковую пару, но Тоня жертвовала эту обувь своим «невидимкам», запихивая тапки в унитаз или в ведро, а надевала снова свои любимые – разные, иногда на одну ногу.

Тоня была совершенно беззубой, но почему-то не любила шоколадные конфеты и всякие мягкие печеные штучки, которыми ее частенько угощали, а с наслаждением жевала слабыми деснами крепкие карамельки или «грызла» семечки.

Когда к кому-то из больных приходили посетители, Тоня неизменно выглядывала из-за дверей и робко просила:

–Дайте немножко мелочишки постоянному жителю. Или сахарку, или вареньица, или чайку. Или хоть что там у вас есть.

Обычно люди, поковырявшись в карманах, всегда находили там несколько монет и благодушно отдавали их Тоне. Но если все-таки ей ничего не давали, она, как только открывалась дверь, выскакивала в коридор, быстро хватала со стола то, что там лежало: продукты ли, сумка ли, или просто какие-нибудь снятые посетителями шарф или шапка и торопливо бежала в свою палату. Как правило, санитары быстро ее вылавливали и украденное безжалостно отбирали. Но это Тоню никогда не останавливало, и в следующий раз она снова пыталась «разбудить в людях совесть»:

–Дайте мелочишки коренному населению. Или хоть чего-нибудь...

После произошедшего уснуть Алекс никак не удавалось. Да еще этот ужасный вой из наблюдательной палаты!

–Суки, мрази, сволочи! – неизвестно на кого кричала она, – Ненавижу! Хоть бы вы все сдохли!

–Мужика мне! – вопила другая, – дайте мне хоть одного мужика. Или хотя бы двух. Больше не могу, А-А-А...

–Комсомольцы-добровольцы, мы за родину честь отдадим, сквозь огонь мы пройдем, если нужно, а сейчас на кроватях лежим... – бессовестно переврав слова известной советской песни, выводила третья.

–А-а-а, у-у-у, ы-ы-ы, – просто подвывала остальным еще

одна дурочка.

Но вот, несмотря на шум, снотворное стало-таки одолевать уставшую женщину, и Алекс начала потихоньку погружаться в сон. И тут... В ее сумке снова что-то зашуршало. Медленно повернувшись, Алекс увидела возле своих вещей довольную Тоню. Та уже вытащила сухари, а теперь начала выуживать из сумки пачку сигарет.

–Ах, ты, крысятина, ну, напросилась! – Алекс вскочила и начала избивать воровку руками и ногами.

Еще в детстве она занималась в секции карате, у девочки были блестящие перспективы в этом виде спорта, но болезнь «убила» все виды на будущее. Однако приобретенные сила и умение никуда не делись, и теперь покалечить кого-нибудь было для Алекс проще простого. Одним ударом она могла легко сбить с ног не только крепкую женщину, а и здорового мужика. Конечно, под действием психотропных препаратов, сила и реакция уменьшились вдвое, но для изможденной тощей тетki и этого вполне хватило.

–О-е-ей, а-я-яй! – нечеловеческим голосом завопила вновь улетевшая через кровати Тонька, – Убивают! Убивают ни за что! Спасите! Помогите! Люди добрые!

На этот раз выяснениями отношений дело не обошлось, и, с помощью прибежавших с мужского крыла под присмотром санитаря пятерых дюжих психов, Алекс была крепко-накрепко скручена и привязана к кровати в наблюдательной палате. Пока шла экзекуция, все другие привязанные и шу-

мящие до этого больные почему-то сразу примолкли.

Все внутри женщины бушевало от такой несправедливости, но сопротивляться и что-то доказывать она уже не могла. Веревки больно стягивали ее запястья, стопы ног. И даже шею ей умудрились прикрутить к спинке кровати. Дышать было тяжело.

—Суки паршивые, — негромко бормоча, Алекс попыталась вытащить из-под узлов хотя бы руки. Веревки никак не поддавались. Начала крутить ногами. Все бесполезно. Казалось, она была прикована к кровати намертво. Как назло, острый приступ болезни после первых же уколов быстро отступил, и теперь голова соображала все, что происходило вокруг в полной мере.

—Эх, гады, постарались на совесть. Бойтесь меня, сволочи. Бойтесь, я вам еще устрою веселенькую жизнь.

Часа два она лежала спокойно и даже вздремнула немного. Но потом, чувствуя, как, медленно отекая, немеют ее конечности, она начала потихоньку издавать звуки.

—Отвяжите меня, пожалуйста, — после негромких стонов едва слышно крикнула она, ей было наплевать на то, что приходилось идти на унижения. Уж больно в жалком она оказалась положении. Руки, ноги скованы, да еще эта веревка на шее. Она душила Алекс, перекрывала дыхание, сдавливала кровеносные сосуды. Но почему-то никто не появился на ее жалобный возглас, видимо, все крепко спали, а громче крикнуть мешал «хомут».

– Позовите, пожалуйста, медсестру, пусть она меня отвяжет, – обратилась она к женщине лежащей напротив. Та все это время не спала и ни на секунду не отводила от пленницы любопытного взгляда. Но заговорить не пыталась, просто лежала и молча смотрела.

– Заткнись, а то щас как дам! – взгляд больной неожиданно стал презрительно-злым, – я с тобой была в санатории пять лет назад, ты мне тогда нос сломала.

– Да не была я ни в каких санаториях, – у Алекс даже не было сил злиться и сопротивляться подобным наговорам, – ты ошиблась, поверь. Пожалуйста, позови кого-нибудь. Я задыхаюсь.

– Нет, это была ты. Я тебя хорошо запомнила. Тебя зовут Света.

– Да никакая я не Света. Меня зовут Александра. В санатории я с тобой не была. Я вообще никогда в жизни не была ни в каких санаториях. Ты перепутала.

– Нет, Света, я никогда ничего не путаю. У меня потом еще долго нос болел.

– Да не ломала я тебе нос. Посмотри лучше. Видишь, это была не я.

– Ты. Теперь лежи молча, пусть тебе будет плохо.

– Да пошла ты, дура!

«Так! Хреновые дела, – мысли Алекс начали судорожно работать, – несколько часов в таком положении я не выдержу – коньки отброшу. Надо предпринимать какие-то меры».

Ей хотелось пить, курить, сходить в туалет, да что там говорить, хотя бы просто подышать.

–Медсестра! – немного громче крикнула она, – медсестра, подойдите, пожалуйста! Я очень прошу, подойдите ко мне! Мне очень плохо, медсестра!

–Замолчи, сучка, стерва, гадина, – тут же раздался голос еще одной привязанной к кровати пленницы, – Я тебя ненавижу, я всех ненавижу. Сволочи, гады, уроды! Что б вы все сдохли!

–А-а-а-а-а, у-у-у-у, – затянула свой жуткий вой другая «орушка».

–Смело мы в бой пойдем за власть советов, и, как один, умрем в борьбе за это... – раздалось пение в углу.

–Да-а-а, – Алекс пожалела о том, что подняла шум, но мочевого пузырь лопался от скопившейся там жидкости, руки и ноги опухли, горло нестерпимо болело.

–Отвяжите, отвяжите, отвяжите, – в общем хоре ее голос был почти не слышен, но Алекс все еще надеялась на проявление какой-то человечности со стороны, – пожалуйста, отвяжите...

Как она пережила эту страшную ночь, Алекс сама не знала. К утру, она все-таки незаметно для себя «отрубилась», а, может, просто потеряла сознание. Ее разум был затуманен от лекарств и пережитых мучений. Проснувшись она в огромной луже собственной мочи, руки и ноги уже не чувствовались, но отвязывать ее почему-то не спешили, несмотря на то, что

другие пленницы давно получили долгожданную свободу и теперь радостно шмыгали по коридору туда-сюда. Шею, кроме веревки, еще что-то больно сдавливало и от этого «чего-то» исходило непонятное, но очень приятное тепло. Краем глаза Алекс неожиданно увидела, что на нее надета какая-то странная цепочка с кулоном в форме небольшой черной стрелочки.

«Откуда этот Гаврила на моей шее? – мысли путались, – кто это сделал? Зачем?»

Впрочем, это было неважно. Главное, что она проснулась, жива и невредима. А цепочка была красивой, насколько она смогла ее разглядеть в создавшемся положении. Почти черного цвета, из непонятого металла, но очень аккуратной, тонкой работы. Хотелось пощупать вещицу и рассмотреть поближе, но, увы, в данный момент это было невозможно...

...-А кушать сегодня будем?

-Кормить нас будут?

-А что сегодня на завтрак? Кашка?

-Дайте покушать.

Казалось, в десятом отделении собрался в этот момент весь мировой изголодавшийся люд. Словно здесь кормили раз в полгода и по очереди: сначала одного, через шесть месяцев другого, еще через шесть – третьего ... и так же всех остальных.

-Ну, что? – заглянула к Алекс уже новая медсестра, видимо, пока она была «в отключке», медработницы сменились, –

образумилась, красавица? Говорят, ты буянила ночью, все отделение перебудила, так что будешь теперь привязанная весь день лежать.

–В сортир-то хоть можно сходить?

–Нет, ходи под себя, – заржала медсестра.

–А шею можно отвязать? Я скоро задохнусь, – она, впрочем, тут же пожалела о сказанном, потому что медработники в психушке так же, как и больные, не гнушались снять с больного какую-нибудь драгоценность или вещь, а ей почему-то было жаль расставаться с невесть откуда взявшимся подарком. Тем более что от медальона постоянно исходило тепло, которое грело не только ее шею, а и пробиралось, казалось, к самому сердцу.

–Нельзя. А вдруг ты зубами себе руки и ноги отвяжешь. Покормят тебя в постели. Так что лежи и не вякай.

–Не хочу я есть, – с отвращением отвернулась от нее Алекс, – оставьте меня в покое.

–Ну, как знаешь.

–Можно, я ее порцию возьму? – тут же подскочила к медсестре какая-то толстушка.

Весь день прошел для Алекс как какой-то кошмар. У нее невыносимо болело все тело, несколько раз она мочилась под себя, и теперь задыхалась не только от удушья, но и от страшной вони собственных испражнений. А тут еще больные женщины то и дело подходили к ней, дергали за халат, смеялись. Несколько раз она уходила в забытье. В один такой

момент вдруг очнулась от чьих-то ласковых прикосновений. Сначала Алекс подумала, что с нее на этот раз снимают медальон, однако кто-то боязливо, но настойчиво просто развязывал ей веревку на шее.

Алекс открыла глаза и увидела рядом с собой некрасивую рослую женщину лет пятидесяти, которая старательно высвобождала ей голову.

–Ты кто? – чуть слышно спросила Алекс.

–Я Нина. Нина Дорохова. Я молодец? Молодец?

–Ты молодец, конечно. Ты спасла мне жизнь. Ты умница.

–Я умница? А ты мне теперь булочку свою вечером отдашь?

–Конечно. Я теперь тебе буду отдавать все свои булочки.

–Все булочки будешь отдавать?

Женщина вытащила из кармана недокуренную кем-то сигарету и воткнула ее в рот Алекс. Потом поднесла зажженную спичку.

–Кури сигаретку, кури, дымок приятный, – заботливо проговорила она.

Алекс жадно затянулась.

–Дай понюхаю, дымок приятный? – наклонилась к ней Нина и со свистом потянула носом воздух, – о-о-о, дымок приятный.

–Да ты просто прелесть, Нина. Тебя мне сам Бог послал.

–Я прелесть? Меня Бог послал? – и, бормоча под нос что-то по-немецки, Нина отвалила...

Как потом узнала Алекс, Нина Дорохова в немецком языке – ас. Когда-то, после окончания института, она проходила стажировку в Берлине. Несколько лет преподавала немецкий язык в российском университете, потом, в результате несчастной любви, незаметно для всех «потеряла голову», и теперь регулярно проходила лечение в психиатрической клинике, остальное время жила у сестры, в доме которой выполняла «почетную» роль домработницы. В больнице Нина с удовольствием купала беспомощных сумасшедших бабушек, стирала их загаженное белье, мыла туалет. В общем, все, что должны были делать санитарки, но по причине того, что это очень грязная и неприятная работа, делать не хотели, делала в отделении Нина Дорохова. И все это она непременно сопровождала исполнением песен на немецком языке. А пела, кстати, очень и очень недурно...

–Блин! Вот варвары! – после освобождения от пут, уже поздно вечером, Алекс нашла свою сумку наполовину опустошенной. Не было ни сухарей, ни печенья, ни мыла, ни зубной пасты, ни туалетной бумаги. Хорошо, что блок «Весты» оказался нетронутым.

–Это Тонька своровала, – сразу же сообщила подошедшая к ней соседка по кровати, – она под матрац все прячет, ты пойди и возьми. Только бери, когда Тонька из палаты выйдет, – доверительно прошептала больная, – а то она дерется или медсестрам жалуется.

–Спасибо за совет, – усмехнулась Алекс, – с меня сего-

дняшних суток хватит, пусть лучше она подавится моими сухарями.

–Нет, лучше ты забери, – женщина пододвинулась так близко к Алекс, что у той даже зарябило в глазах, – она их все равно в унитаз выкинет.

–А ты-то чего переживаешь?

–Если ты не хочешь сухарей, то их могу съесть я.

Потом больная вытащила из халата свою левую грудь и озабоченно спросила:

–У меня молоко, видишь? – она стала с силой нажимать сосок, одновременно глядя в глаза Алекс, – это значит, я беременна? Да?

–Маринка, прекрати глупостями заниматься, – в этот момент в палату заглянула санитарка, – ты уже всем надоела своей беременностью. Иди, на свою кровать ложись, а то сейчас привяжем.

–Беременная, да? Беременная? – Маринка даже не обратила внимания на слова санитарки, – ну, скажи, пожалуйста.

–А ты давно лежишь в больнице? – у Алекс после недавнего пленения совершенно не было желания общаться с кем-либо, но она прекрасно понимала, что отвязаться от навязчивой собеседницы будет трудно.

–Давно. Уже четвертый месяц.

–Ну, и откуда у тебя возьмется беременность? Мужчина у тебя давно был??

–Чего? – Маринка удивленно поглядела на нее широко от-

крытыми глазами.

–А-а-а, понятно, спи спокойно, ты не беременна.

–А откуда молоко?

–Это не молоко, это мозги у тебя через грудь вытекают.

–Вот оно что, мозги? – Марину, кажется, такой ответ вполне удовлетворил, – это не молоко, – тут же повернулась она к неподвижно сидящей на кровати девушке, – это у меня мозги вытекают.

Но та не пошевелилась и даже не повернула в ее сторону взгляда своих серо-голубых глаз.

–Это мозги, это не молоко, – Маринка тут же побежала объяснять ситуацию проходящей мимо еще одной пациентке, потом другой, третьей, пятой, – это мозги у меня вытекают.

–Ну, и, слава Богу, – отмахивались те.

–А у вас вытекают?

–Так, Маринка, пошли со мной, – видимо, санитарку окончательно «достала» эта бессмысленная болтовня и она, захватив веревки, потащила Марину в наблюдательную палату, – полежишь сутки, и мозги твои на место вернутся.

–Нет, тетя, нет! Не надо! Я боюсь на вязки, мне страшно, – завопила Марина, – не надо, я больше не буду. А-а-а!!!

–О, ужас! Какой кошмар! Можно с дуба рухнуть, – простонала Алекс и, спрятав голову под подушку, негромко, по-волчьи, завывала.

–А ну, на уколы! – затеребила ее медсестра, – быстренько

на уколы! А то опять спать никому не дашь.

– Я буду спать, обещаю, – Алекс знала, как «скуют» ее сейчас эти уколы, поэтому попыталась использовать весь свой дар убеждения, – я выпила все таблетки, я спокойна, правда. Я никому не скажу сегодня ни слова, пусть даже с меня снимут последние штаны. Не надо мне уколов.

– Пошли, сказала. Буду я с тобой церемониться! А то сейчас снова привяжем и вколем не два, как назначено, а сразу десять уколов. Завтра не поднимешься с кровати.

Алекс со страдальческим видом поплелась вслед за медсестрой. Спорить и сопротивляться сейчас было бы глупейшим поступком с ее стороны.

Через полчаса она уже лежала на своей постели, голова потихоньку «ехала», как будто ее поместили в работающую стиральную машину, руки и ноги выкручивало во все стороны, мозги отказывались функционировать, и мутило так, как будто она съела протухшую рыбу. Все эти ощущения не давали уснуть. А крики Маринки из наблюдательной палаты: «Тетенька, тетя, я боюсь, боюсь, боюсь!» добивали окончательно.

Алекс, постанывая, долго крутилась на постели, то садилась, то вновь ложилась, продолжая «вертеться в центрифуге», пока, наконец, сон не одолел ее вконец.

– Доченька, – была глубокая ночь, когда ее начала терзать за плечо Ирина Авраменко, шизофреничка и клептоманка, – доченька, ты не бойся, войны не будет. Я с Гитле-

ром договорилась.

–Оставь меня в покое, пожалуйста, – голова у Алекс болела и тошнило, как после пьянки, – Бог с ним, с Гитлером. Пусть что хочет, то и делает.

–Да ты что! – глаза Ирины округлились, – да зачем же надо наших детей убивать? Нет, я уже договорилась, Гитлер сказал: «Хорошо, Ирина, войны не будет».

–Молодец, Ирина! Миротворец ты наш! Честь тебе и хвала! А теперь можно поспать?

–Нет, надо собираться ехать в Египет, – кажется, больная вовсе не собиралась оставлять Алекс в покое, она даже попыталась влезть к ней под одеяло. Алекс грубо оттолкнула незваную гостью.

– Вчера звонил твой отец, – Ирина заговорщицки наклонилась прямо к лицу Алекс, – Ты же знаешь, дочка, кто твой отец?

–Нет, не знаю, да и не горю желанием узнать.

–Твой отец – артист из телевизора. Ты такая же красивая, как он, вот я тебя и люблю больше всего, а остальных, – она обвела рукой палату, – не так люблю, и в Египет их не возьму.

Алекс захотелось стукнуть надоедливую ночную собеседницу, но все тело было ватным, и совершенно не слушалось.

–А остальные у тебя от кого? – оставалось только поддерживать разговор.

–Вон те – от директора города, те – от его заместителей, а

эта – от доктора Ивана Алексеевича...

–Слушай, ты, мать-героиня, а ну-ка пошла отсюда, – на одной из кроватей от шума проснулась молодая белокурая женщина, – ты долго здесь запаривать будешь, спать мне не давать?

–Доча, я к доче...

–Иди, давай, – недовольная больная, резко схватив с тумбочки железную кружку, с силой бросила ее Авраменко в лицо. От удара у той тут же выступила кровь.

–Ой, не надо, доча, – Ирина, вытирая рукавом разбитый нос, с испугом отодвинулась к двери палаты.

–Вали, тормознутая, отсюда, Каждую ночь одна и та же история: то крадешь, то спать не даешь.

–Дурочка! Я все мамке расскажу.

–Ах ты... – больная вскочила с кровати, Авраменко начала удирать, но та быстро настигла ее и стала со злобой лупить по всем частям тела, по которым только попадала.

–Ой, ай, о-е-ей! – Ирина даже не отбивалась, а только прикрывалась руками...

–Спасибо, – поблагодарила Алекс молодую женщину, когда та, выкинув Авраменко из палаты, вернулась на место.

–Не за что, – ответила драчунья.

–Я бы и сама ее усмирила, да напичкали лекарствами так, что и шевельнуться не могу.

–Бывает. Меня, правда, не кололи, но таблетки заставляли глотать лошадиными дозами. Я сначала пила, а потом по-

думала, что я так и дуба дам, и стала их под язык прятать, а потом в унитаз выбрасывать. Тебе сложнее – укол под язык не спрячешь.

–Да вот же. Я думала, как-бы от них отвертеться, да так ничего и не придумала.

–Ты здесь, кажется, тоже на «принудиловке»? За убийство, я слышала?

–Да один козел про меня такую парашу по всему городу пустил, что и на голову не наденешь. Знал же, сука, что со мной связываться опасно.

–А я за распространение наркотиков, – женщина достала из-под подушки пачку сигарет, вытащила одну и закурила.

–Раньше здесь не разрешали курить в палатах, – заметила Алекс.

–Да и сейчас не разрешают. Только я плевать хотела на их разрешения. Что они мне могут сделать? Привяжут к кровати? Мне эти их «суровые» меры «до задницы». Кстати, меня зовут Лена. Лена Кошкина. Ну, все, давай спать. А завтра придут врачи, ты им скажи, что после уколов бешеной становишься, убить можешь, так они тебе, может, таблетки пропишут?

–Ага, или «браслеты» оденут и на цепь посадят, – со смехом ответила Алекс.

Буквально через секунду Лена громко захрапела.

Алекс задумчиво посмотрела в окно. Там было совсем темно и тихо. Сумрак безлунной осенней ночи был безлик и

спокоен. Он навевал грустные мысли, будил старые забытые воспоминания. Всплыло в памяти худощавое лицо молодого красивого мужчины.

–Блин, блин, – словно отмахиваясь от этих мыслей, замотала головой Алекс, – не хочу об этом думать, не хочу.

Она начала пытаться вспоминать, как недавно ездила в Москву, гуляла по Красной площади, ела вкусное мороженое. Но эти мысли были столь незначительны и неинтересны, что тут же превращались в расплывчатые «обрывки», непонятные «куски» информации, а перед глазами упрямо стояло то самое лицо...

...-Посмотри в окошко, – в полной тишине, стоящей в классе во время контрольной работы, шепот одноклассницы Светки прозвучал, как вой сирены, – смотри, смотри скорее.

Алекс повернулась и за стеклом увидела Его. Он стоял, улыбаясь, на тротуаре и был похож на ангела. Худенький, стройный и весь такой легкий и воздушный. Светлые пушистые кудри мягко развевались от ветра. Казалось, сейчас распахнутся крылья у этого «чуда», он взлетит, и начнет всюду пускать стрелы любви. Впрочем, кажется, одну он уже пустил Алекс в самое сердце.

–Сергеева, – учительница, видимо, называла ее фамилию уже не один раз, потому что была сердитой, да и весь их девятый «б», повернув головы, с интересом смотрел на нее.

–Не мешайте, Вера Егоровна, – весело усмехнулся Витька Орлов, – видите, девушка в задумчивости.

–Сergeева, – повторила Вера Егоровна, – ты будешь писать?

–Кто это? – словно не слыша ничего вокруг, наклонилась Алекс к Светке.

–Это мой новый сосед. Хочешь, познакомлю?

– Хочу. А откуда он взялся?

–Переехал с родителями с севера.

–Нет, вы посмотрите, для нее учитель – пустое место, – Веру Егоровну подергивало от подобной наглости, – я пожалуюсь директору школы, пусть он с твоим отцом беседу проведет...

–А как его зовут? – Нет, Алекс не игнорировала учительницу, просто не слышала.

–Женя...

...Что это? Алекс показалось или в окне палаты действительно мелькнуло ярко-желтое пятно?

«Да нет, показалось, – женщина стала присматриваться, – да и откуда за окном третьего этажа может что-то быть?» ...

...Женя быстро узнал о влюбленной в него девушке, но не обращал на нее внимания. Он тискал на ее глазах других девчонок, относился к ней нарочито грубо и бесцеремонно, при друзьях безжалостно высмеивал. Алекс страдала, но ничего не могла поделать со своей любовью. Чувство росло с каждым днем, и чем больше Женя над ней издевался, тем сильнее билось ее влюбленное девичье сердечко...

–Что, кукла, «в зобу дыханье сперло»? – Жене нравилось

унижать девушку прилюдно. Кругом все захохотали.

–А ну-ка, каркни-ка во все воронье горло, – парень наклонился к лицу Алекс, – и я тебя поцелую. Каркни!

Девушка покраснела. Ей было неудобно и обидно.

–Каркни! Если каркнешь, клянусь, поцелую. Сейчас, при всех, – нагловатая улыбка говорила о том, что Женя был упрям и уверен в себе.

–Да каркни ты, – начали подзадоривать пацаны, – ведь ты о его поцелуе мечтаешь.

Конечно, Алекс мечтала. Но как же она будет каркать, ведь тогда над нею будет смеяться вся школа.

–Каркай, я сказал, а то никогда не посмотрю в твою сторону, – Евгений, чувствуя, что его прикол может не пройти, начал злиться, – если каркнешь, то не только поцелую, а еще и в кино приглашу.

–Каркни! Каркни! Каркни! – начал скандировать народ.

–Кар! – тихонько произнесла Алекс.

–Э, нет, не так. Хорошо каркай. Громко.

–Кар! – у Алекс выступили слезы, но она сказала это чуть громче.

–Еще, еще громче. По-настоящему. Как ворона.

–КАР! КАР! КАР! – под громкий хохот и аплодисменты закаркала девушка и заплакала.

–Ха-ха-ха! – заржал Женя, – вот это номер! Я такого еще никогда в жизни не видел. Комедия!

–А целовать-то будешь? – смеясь, начали подкалывать его

друзья.

– Да что я дурак? Вот эту ворону? Нет уж, лучше я Людку поцелую, – он обнял стоящую рядом и смеющуюся со всеми девушку и чмокнул ее в щеку, – Да, Люд? А ворона пусть на дерево взлетает и там каркает дальше...

После этого случая кличка «ворона» пристала к Алекс до конца школы. Но возненавидеть Женю она не смогла. Немного поплакав и пострадав, снова и снова, вздыхая, провозжала его влюбленным взглядом, а по ночам мечтала о свидании и жарких поцелуях...

... – Приходи ко мне сегодня вечером, – Алекс растерялась от таких слов, услышать их от Жени она не мечтала, но он почему-то произнес именно это, – мои предки уехали к родственникам, буду один. Можем с тобой пообщаться, попить вина. Ты вино пьешь?

Алекс никогда не пробовала, но утвердительно кивнула головой.

– Вот и хорошо. Тогда до вечера.

– А во ... во сколько? – охрипшим от волнения голосом прошептала девушка.

– В восемь...

...И все-таки за окном палаты что-то светилось. Очертаниями оно напоминало большую дверь. Алекс прищурила свои близорукие глаза и напрягла зрение.

«Черт, – пробормотала она, – глюки у меня начались, что ли? Ну, вот и закололи бедняжку Алекс до галлюцинаций»

Тут же она почувствовала на себе чей-то взгляд. Алекс повернулась и увидела, что не одна бодрствует в эту ночь. В углу палаты, укрывшись одеялом по глаза, на кровати сидела совсем юная девушка лет семнадцати. Раньше Алекс ее не видела, наверное, та была совсем тихой и незаметной. Не буйной, иначе запомнилась бы обязательно. В широко открытых глазах девушки светился такой неподдельный ужас, что по коже Алекс невольно побежали мурашки.

– Ты что? – Алекс улыбнулась, чтобы вконец не испугать бедняжку, – чего ты боишься? Тебе что-то показалось за окном?

Девушка молча приложила указательный пальчик к губам и покачала головой. Потом посмотрела на окно.

– Там, там... – еле слышно произнесла она.

И она, дрожа, залезла под одеяло с головой.

Алекс перевела взгляд на окно, но там за стеклом снова было темно и безжизненно.

– А-а, показалось, – махнула рукой Алекс и, устроившись удобнее, стала погружаться в сон...

...Целый день перед свиданием Алекс наводила «марафет»: накручивала волосы, красилась, примеряла наряды. А ровно в восемь – сияющая и красивая стояла перед дверью Жени. Дрожащей рукой нажала звонок. Дверь открылась через несколько секунд.

– О, ворона, привет! – Женья был пьян, – проходи, я тебя заждался.

Он затащил девушку в квартиру, закрыл дверь на замок, а ключ спрятал в карман.

–Зачем это? – Алекс была в недоумении, а недавнее радужное настроение стало потихоньку улечувиваться.

–Сейчас поймешь, – ухмыльнулся Евгений и с силой втолкнул ее в комнату.

Там за накрытым столом сидели несколько нетрезвых мужчин.

–Вот она, – Женя подтолкнул Алекс к столу, – эта кукла сделает все, что я захочу. Правда, ворона?

–Зачем ты меня позвал? – девушка начала понимать, что для нее здесь «запахло жареным».

–Как зачем? Ты же сама этого хотела. Разве нет?

–Можно я уйду?

–Ну, уж нет, красавица! Нам как раз тебя не хватает. Видишь, мужикам скучно, надо их повеселить.

–Я никого веселить не собираюсь.

–А я сказал – будешь.

–Выпусти меня, – Алекс хотела выйти из комнаты, но Евгений встал у нее на пути и протянул руку к застегке на кофточке. Этого движения хватило, чтобы сработала реакция несостоявшейся каратистки, и Евгений с шумом улечел в другой угол комнаты.

–Ах ты, сучка, – с ненавистью взревел он, – ребята, вали ее!

Мужчины начали быстро вылезать из-за стола, и через

несколько минут отчаянного сопротивления, Алекс оказалась на диване, в разорванной одежде, под здоровенным амбалом лет тридцати.

Остальное все прошло в каком-то тумане. Ее били, рвали на ней одежду, щупали и щипали, а дальше... в памяти остались лишь сменяющие друг друга пьяные рожи и жуткая, нестерпимая боль в промежности.

– Мне больно! Отпустите! – крики никого не успокаивали, а наоборот, раззадоривали. А потом наступила темнота.

Очнулась Алекс глубокой ночью. Прикрытая рваньем, она валялась на улице под кустом. Истерзанное тело болело, хотелось выть и плакать, но больше всего – умереть...

...Под утро Алекс приснился все тот же, много лет мучающий ее, сон.

... – Дура, я плохо плаваю. Пусти, чокнутая, я же утону. Алекс, Алекс, что ты творишь, ненормальная? Прости меня, прости, только отпусти, вытащи-и-и... – Женя отчаянно хлопал по воде руками, пытаясь удержаться на поверхности, жадно хватал ртом воздух, трепыхался, но медленно и упрямо шел ко дну. Алекс слишком хорошо умела держаться на воде, чтобы оставить ему хоть один шанс на выживание...

Каждое утро в психушке начиналось примерно одинаково.

– Не выходим из палат, все остаемся на местах, не двигаемся... – громко кричала медсестра, – сейчас я вас посчитаю, потом хоть катайтесь по полу. А сейчас пересменка! Пе-

ре-сме-нка!

–Раз! Два! Три! Соловьева, сейчас же сядь на кровать! ... Десять! Где Пихиенко? Пихиенко где? Не прячься, я все равно тебя вижу... Двадцать! ... Шахова, прекрати курить в палате! Двадцать пять! ... Кто ударил Авраменко? Авраменко, почему у тебя синяк под глазом? ... Тридцать два! Не дергай шторы, Минаева, багет только позавчера повесили, а ты опять обрываешь... Тридцать пять! Тьфу, сбили, теперь надо заново считать. Раз! Два! Три! ... Не ходите по коридору! Оставайтесь на местах! Десять! ... Пятнадцать! Лукина, куда ты полезла? А, ну-ка, вернись. Кошкина, сними ее с окна. Опять сбилась, да что вы за бестолочи такие?! Раз! Два! Три! ...

Так могло продолжаться и двадцать минут, и больше. Потому что психически ненормальные женщины долго не выдерживали сидеть на одном месте, а медицинские работники не могли с первого раза пересчитать пятьдесят бестолковых рыл, которых и считать-то было необязательно. Ибо куда же они денутся из закрытого на «сто замков» отделения, когда они и здесь не всегда могли найти дорогу в туалет или в свою палату.

–Я здесь лежу? – симпатичная Олечка по сто раз на дню подходила к каждой кровати и задавала женщинам этот вопрос.

–Нет, не здесь, пойдем, покажу, – ее отводила на место то одна больная, то другая, то третья. Но через несколько минут

Оля вновь возвращалась.

–А где я лежу?

–Ты лежишь в другой палате. Вон там, – ее снова отводили, но она появлялась снова.

–Где моя кровать?

–Да нет здесь твоей кровати!

–А где же моя кровать? – у Оли от отчаянья выступали слезы на глазах, – где-то же есть моя кровать? Или нету?

К вечеру она могла «достать» кого угодно и тогда на следующее утро появлялась в чужих палатах с припухшим носом:

–А где я лежу, вы не знаете? ...

... -Таблеточки пить, таблеточки! – неизменно звучало в отделении после пересмены.

–Тебе занять очередь? А тебе? – спрашивала у всех Люба Соловьева и торопилась получить лекарства раньше других.

–Нравится пить эти гадости? – Алекс становилось плохо от одной мысли о них.

–Конечно. Потом все становится по барабану. Я уже второй год взаперти сижу, знаешь, как меня все достало?

–Знаю.

–На, – сыпала медсестра в руку Алекс с десятков разнокалиберных, но одинаково «убийственных» психотропных таблеток.

–Не забудь подойти на уколы, – напоминала она.

...Потом, через некоторое время после приема лекарств,

в палате неизменно появлялась огромная тучная Галя Караева и с загадочной улыбкой произносила:

–Тать, таблеточки выпили, теперь пора потурить, – Галя не выговаривала букву «к», и оттого ее речь, и без того глупая и бессмысленная, приобретала какой-то забавно-мультипликационный характер.

–Татя, ты уже турила? – подходила она к интеллигентной Кате, – ой, что-то так турить хочется. Мамта вчера сигарет приносила, но я уже все потурила. Теперь мамта только вечером придет. Придется до вечера не турить. Да, Татя?

Катя, прищурившись, смотрела на Галку, кажется, не совсем понимая, о чем идет речь.

–Татя, а что это у тебя под подушкой? – однако «добивала» ее Галя, – это не сигареты у тебя там лежат? Тать, если сигареты, тат ты их там не держи, а то то-нибудь утратит. Ой, турить надо, турить, а нечего! Да, Тать?

Катя, наконец, понимала, что надо этому тридцатипятилетнему «недорослю» и доставала из пачки сигаретку. Галя радостно бежала курить. Через секунду она возвращалась:

–Ой, уже потурила, еще хочется. Тать, у тебя больше нету сигарет?

Катя давала ей еще, но спустя мгновение, Галка вновь «вырастала» на пороге палаты:

–Турить...

–Да ты их ешь, что ли? Больше не дам!

Галка начинала реветь, потом убегала, под ее тяжелыми

шагами полы начинали прогибаться, выть и гудеть, как струны плохо настроенной гитары, а через какое-то время в туалете раздавался звон разбитого стекла.

–Тю, блин, – кричала санитарка, – опять Гальяк окно разбила! Да что вам жалко ей сигарету дать?

–Да где ж ей наберешься, если она курит через каждую секунду? – возмущались женщины.

–Ну и хрен с вами, – зло резюмировала санитарка, – не я же буду, в конце концов, теперь свою задницу в туалете морозить. А ваших мне не жалко.

–Сидите теперь на унитазе с ветерком! – почему-то радостно добавляла медсестра...

...Алекс внезапно почувствовала, как ее голова «поехала – поплыла». Равновесие держать было трудно, ноги разъезжались в разные стороны, руки функционировали отдельно от туловища, не слушаясь команд «свыше», было тяжело дышать, а сердце выскакивало из груди.

–Е-мое, начинается, – делая глубокие вдохи, чтобы хоть чуть восстановить дыхание, пробормотала Алекс.

Она посмотрела на соседку, но в ее глазах лицо той неожиданно превратилось в отвратительную морду какого-то монстра. Он злобно кривлялся и корчил рожи.

–Ах ты ... – сквозь зубы прошипела Алекс и замахнулась, чтобы «проехаться» «зверю» кулаком через все его противное рыло.

–Ты что, Алекс, охренела совсем? – заорало «чудище», –

что я тебе сделала?

А Алекс стало казаться, что монстр хихикает над ней и плюется. Она сняла с ноги тапочек и запустила в соседку.

–А-а-а!!! – на крики женщины примчался медперсонал во главе с заведующей отделением.

–Привяжите! – пальцем указала «шефиня» на Алекс и, презрительно окинув взглядом палату, удалилась.

–Несите вязки, зовите мужиков! – тут же «зашуршала» медсестра, – слышали, что сказала заведующая?

Алекс совершенно не понимала происходящего вокруг нее.

–Я тебя убью, убью, убью! – рычала она, и, с силой схватив медичку за халат, начала тянуть. Раздался характерный звук треснувшей материи. Алекс потянула сильнее, и рукав с хрустом оторвался.

–Ах, ты, дрянь! – завизжала медсестра на все отделение, – ты что творишь, ненормальная?

–Убью-у-у-у!!! – а перед глазами Алекс извивалась «огромная гадюка» с распахнутой красной пастью, и женщина, сильно пошатываясь, старалась ее хотя бы стукнуть.

–Ничего себе! Да что она себе позволяет? – возмущению медиков не было предела, но Алекс было все равно, в настоящий момент она находилась в «другом мире», в который ввело ее действие психотропных средств.

–Уроды! – шипела она, безумно вращая вытарашенными глазами, – гады ползучие, исчезните, исчезните! Тьфу!

Тьфу!

Потом стала креститься и смачно плевать окружающих:

–Чур, вас! Чур, вас! ...

Потом ей стало жарко и больно, перед глазами поплыли расплывчатые круги и туманные картинки: больные с безумными глазами, смеющаяся медсестра с огромным шприцом, тонуший Женька, умирающая мать, Ленка Кошкина с тарелкой...

–Алекс! Алекс! Проснись! – с огромным трудом Алекс раскрыла слипшиеся веки, рукой нащупала медальон, он был там же, на шее и огляделась. Решетки на окнах, грязные шторы, железные кровати, перепуганные женщины в больничных халатах, все, что смогла увидеть Алекс узенькими щелочками глаз, а еще стойкий ужасный запах мочи – подсказали ей, что она находится в наблюдательной палате.

–У меня глаза опухли? – спросила она склонившуюся над ней Лену Кошкину.

–Да, тебя мужики крепко отоварили, потом ты потеряла сознание, а теперь тебя отвязали, так что, вставай, пошли в свою палату.

–А сейчас вечер или утро?

–Сейчас будет обед.

–Сколько часов я здесь пролежала?

–Ха, часов! Да ты здесь второй день. Я тебя кормить приходила, не помнишь?

–И я ела?

–Ела. С закрытыми глазами. Да с жадностью, я думала, ты и пальцы мне откусишь. Ну, хватит, вставай, арест твой закончен.

Алекс попыталась подняться, но сделать это оказалось трудно: голова была тяжелой и неподъемной, а тело болело, как после серьезной физической встряски.

–О-о-о, как все болит! Меня ногами месили, что ли?

–Всеми частями тела. Ты ведь знаешь, придуркам из мужского крыла только дай возможность кого-то попинать, они не откажутся. Самих санитары дубасят цепями каждый день, вот они на нас и отрываются.

–А что случилась? Почему меня привязали? Я ничего не помню, вернее, помню, что выпила лекарство, потом Галька приходила, потом она стекло разбила в туалете, а потом ... потом уже больше ничего не помню.

–Ну, правильно, потом у тебя начались глюки, и ты начала такое творить!

–Что творить?

–Кидаться на людей, медсестре рукав оторвала, плевалась на всех подряд...

–Ужас! ...Кто это? – вдруг, увидев промелькнувшую в коридоре кучерявую головку той ночной девушки, спросила Алекс.

–Это Света Пушкина. О ней никто ничего толком не знает. Она молчит.

–Все время?

–Практически да. Ну, может, одно, два слова сказать, но еле слышно, шепотом. А в отделении трепятыся, – Лена заговорщицки прикрыла рот рукой и наклонилась поближе, – что она пережила что-то очень страшное, с тех пор замолчала.

–А что интересно?

–Говорят, кто-то из родных умер у нее на глазах страшной смертью или что-то в этом духе ...

...Алекс могла спасти его. В тот страшный момент, кроме нее, рядом с отцом никого не было. Она могла, но она не захотела.

–А-а-а, – глаза его в один миг стали стеклянными. Казалось, они уже не видели ни дочери, ни ее комнату, в которую он вошел поздравить ее с совершеннолетием. Отец схватился рукой за сердце и тяжело привалился к стене.

–Дочка, до ... – Он задыхался, стонал и хрипел, всеми силами пытаясь вдохнуть побольше воздуха, – скорую, ско ...

Алекс перепугалась, но почему-то продолжала стоять, не двигаясь.

–Спаси, дочь, – с надеждой шептал отец, – спа ..., – а сам продолжал «каменеть» и медленно опускаться на пол.

Девушка сначала дернулась, чтобы подскочить к телефону, но потом вдруг вспомнила умирающую мать, вспомнила ту страшную ночь, когда та плакала и просила пощады. Но он не пощадил. И она умерла. И теперь он тоже корчился от жуткой боли на полу и хотел, чтобы ему спасли жизнь.

–А ведь она также просила у тебя помощи, – процедила

дочь сквозь зубы, – а ты ведь ей не помог.

–Прости, девочка, прости, я ее лю ...

–Любил, хочешь сказать? Любил и поэтому убил? – Алекс не могла подобрать слов от волнения, – кто же так любит? Зверская у тебя любовь! Ты никогда ее не любил! Никогда, слышишь?

–Ты и меня не любишь! Ты любишь только себя! – она уже орала и плакала в голос, а лицо ее заливали горькие слезы ненависти и боли, – так умри и ты! Умри! Умри! ...

За слезами она не замечала, как отец, лежа на полу, делал последние порывистые вздохи, как агония скрутила в дугу и резко выпрямила обессиленное тело в неестественную позу. Не слышала, как он едва слышно прошептал свои последние слова:

–Дочка, не стань такой, как я. Будь чище, будь честнее...

Алекс еще долго кричала ему упреки и рыдала, а потом в полной прострации упала рядом с неподвижным телом и лежала, не двигаясь, долго-долго. Она даже не заметила, сколько прошло времени. Когда силы, вернулись к ней, она поняла все то, что произошло недавно в этой комнате.

–Нет! Нет! – горько закричала она, – Нет! Нет! Нет! Вернись! Вернись, папочка! Я больше так не буду! Прости меня, прости! Очнись, очнись, родной! Вернись ко мне! Вернись!

Алекс пыталась трясти бездыханное тело, целовала его неподвижное лицо, гладила по волосам, но отец был недвижим, и застывший его взгляд, полный укора и горечи, был

стены отделения.

–Нет, ты нас уже всех достала! – медсестра была вне себя от злости, – ты хоть один день можешь прожить спокойно?

–Вот, – Алекс демонстративно протянула руки, – сама сдаюсь. Зачтется?

–Не-ет, красавица, – отрицательно помахала головой медсестра, – на привязь ты сегодня не пойдешь! Хватит! Она, похоже, на тебя не действует! Давай на уколы!

–Хоть на Голгофу! Лишь бы не видеть все эти рожи!

И, гордо подняв голову, Алекс отправилась в процедурный кабинет...

...Ночью она проснулась от каких-то непонятных ощущений. Левая рука была недвижима. Женщина не чувствовала ее совсем. Словно у нее не было этой руки. Сначала Алекс подумала, что все происходит во сне, но, оценив обстановку более реально, она поняла, что рука отнялась по-настоящему.

–Вот черт, черт, черт! – Правой рукой она начала поднимать левую, но та плетью падала на кровать. Алекс начала крутить плечом, но плечо двигалось, рука – нет.

«Парализовало!» – мелькнула мысль. Однако поднимать шум было бессмысленно. Никто, ни один человек не придет к ней на помощь. Она это знала наверняка.

–Что делать? Что? – Алекс с огромным усилием стала растирать отнявшуюся руку.

–Вот так, вот так! – почти теряя надежду, шептала она и

продолжала тереть: до боли, до стопа, до слез.

Минут через пятнадцать появилось ощущение, что в кончики ее пальцев вогнали сотни острейших крохотных игл, это было мучительно больно, но Алекс не прекращала растирание ни на минуту. Еще минуты через три закололо кисть.

– Слава Богу! Слава Богу! – Алекс продолжала тереть до красноты, до жгучей боли. Очень-очень медленно «иголки» продвигались к локтю. Правая рука от усталости уже еле двигалась, казалось, что и она скоро отнимется, но женщина терла и терла. Теперь она понимала, что волшебное средство найдено, что рука снова будет действовать.

Через полчаса руку закололо до самого плеча, и она начала потихоньку шевелиться. Алекс еле слышно засмеялась, а потом заплакала. Но вовсе не от боли и даже не от радости. Ее «распирала» такая жалость к себе, такое отчаяние «раздирало» ее душу, что не хватало ни эмоций, ни чувств, чтобы выразить это.

«Ну почему я такая несчастливая? – мысленно задавала она вопросы в пространство, – почему у меня все не так, как у людей? Почему я не могу жить так, как все? Господи, за что? За что?»

Свет от лампочки падал ей в лицо и не давал уснуть.

«Почему в психушках никогда не выключают по ночам свет? Разбить ее, что ли?» – Алекс вытерла слезы и попыталась погрузиться в сон, но он не приходил. Она начала считать в уме, но на цифре «три» сбилась и больше, как ни ста-

ралась, сосредоточиться не могла. Как назло, через несколько кроватей от ее постели, раздавался ужасный храп. Пронзительный, со свистом. Алекс подняла голову и посмотрела в ту сторону. Храпела толстая бабка с седыми косичками толщиной с мышинный хвост.

«Скинуть тебя, что ли на пол? – подумала Алекс и улыбнулась. Бабуся была такой необхватной и пузатой, что еле помещалась на кровати, куда там ее скидывать? Надо быть Геркулесом, чтобы завалить этакую «глыбу» ...

...Взгляд неожиданно переметнулся в угол палаты. Света Пушкина, как и в прошлый раз, не спала. Она снова сидела, укутавшись одеялом до самых глаз, на кровати и, не отрываясь, смотрела в окно. словно выжидала что-то. Но того страха в ее взоре уже не было. Алекс повернулась к окну и увидела за ним где-то далеко слабое мерцание. На том самом месте, где прошлый раз видела непонятную светящуюся дверь.

«Может, это кто-то фонариком сигналы подает?» – прищурив близорукие глаза, Алекс стала всматриваться вдаль. Ярко-желтая точка продолжала мигать: раз-два, раз-два, раз-два. Потом она слегка увеличилась в размере, и ритм мигания поменялся: раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три.

«Точно, какой-то баклан решил над нами, дурачками, подшутить, – улыбнувшись, Алекс достала из-под подушки зажигалку, – ну подожди, сейчас и мы тебе ответим, дорогой!»

И она, протянув руку к окну, начала щелкать в ответ за-

зигалкой: раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три. «Точка» на миг замерла в одном положении, а потом начала быстро приближаться к окну. Алекс от ужаса оцепенела, она почувствовала, как волосы на ее голове становятся дыбом. То, что сейчас происходило на глазах женщины, не граничило с разумом. Она даже не могла опустить зажигалку, а почему-то продолжала бестолково включать и выключать ее. В один миг свет озарил окно, и Алекс увидела темную фигуру, похожую на небольшого осьминога. Его круглая голова покачивалась из стороны в сторону, словно хотела укорить Алекс за не здоровое любопытство, а несколько щупалец скользили по стеклу и пытались сквозь него пробраться к дрожащей от страха женщине. Алекс не могла шевельнуть ни одним органом, а только сидела и смотрела на окно. Она не понимала, все ли увиденное ею реальность или что-то от страха дорисовывает фантазия, и не могла произнести ни звука.

–А-а, а-а, а-а, а-а-а-а! – вдруг раздалось за спиной Алекс, и тяжелый топот босых ног по полу вернул ей способность к движению. Она оглянулась и увидела, как Света Пушкина промчалась в процедурный кабинет, видимо, за помощью. А через минуту, с тем же воплем, уже летела назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.